

Устроившись в гостевых комнатах, Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин вместе с Янь Цзюнем и Фан Цзя отправились в столовую ужинать. После ужина Янь Цзюнь сказал, что ему нужно позаниматься в музыкальном павильоне, взял гуцинь и удалился.

Фан Цзя взглянул на полную луну в небе и с энтузиазмом предложил: «Двоюродный брат, старший брат Гу, сегодня такая прекрасная луна, давайте сходим в Павильон в сердце вод полюбоваться!»

Взгляд Дуань Минчэня скользнул вдоль галереи. На тёмно-синем небе висела круглая луна, её свет, словно жидкое серебро, разливался по зеркальной глади озера. Деревянный мост, выложенный из плавучих брёвен, вёл к островку в центре водоёма, где беседки и павильоны тонули в мягком лунном сиянии, источая лёгкое свечение. Картина выходила необыкновенно романтическая!

В душе Дуань Минчэня шевельнулось смутное чувство, и он взглянул на Гу Хуайцина. Он согласился остаться на ночь, втайне надеясь провести с ним больше времени наедине. Такой чудесный вечер и такой вид просто созданы для прогулки вдвоём под руку. Жаль только, что с ними болтается бестактный Фан Цзя.

Дуань Минчэнь слегка кашлянул и сказал юноше: «А тебе не надо готовиться к занятиям?»

Фан Цзя надул губы: «Я только сегодня приехал, занятия ещё не начались! Неужели нельзя отдохнуть хотя бы один вечер?»

Юноша обиделся и, не желая больше разговаривать с двоюродным братом, потянул Гу Хуайцина за рукав вперёд.

Гу Хуайцин, не сопротивляясь, позволил увлечь себя, но успел обернуться и улыбнуться Дуань Минчэню.

В таинственном, чарующем лунном свете эта нечаянная, брошенная через плечо улыбка едва не лишила Дуань Минчэня чувств. У него зарябило в глазах, а в груди распирало какое-то невыразимо сладкое чувство, и всё тело наполняла сладостная истома.

Академия Цзиньцзян была построена вокруг озера, и весь ландшафт подчинялся водной глади. Озеро сплошь засадили лотосами, потому и назвали Прудом Тысячи Лотосов.

Сейчас была весна, листья ещё не поднялись, но можно было представить летнее великолепие: розовые бутоны, аромат, разливающийся над водой...

Озеро было широким, вода — прозрачной. Посередине был проложен мост из плавучих брёвен, и, ступая по нему, чувствовалось, как под ногами колышется вода. Каждые пятьдесят шагов на мосту висели фонари в форме лотосов — несколько десятков штук.

Эти фонари не только освещали путь, но и довершали красоту пейзажа. Нежно-розовые абажуры, подсвеченные изнутри пламенем свечи, источали мягкий оранжевый свет.

Мост утопал в мерцании фонарей, павильоны на острове купались в серебристом лунном сиянии, а вдали высились грозные горные пики, вершины которых окутывала лёгкая белая дымка. Казалось, будто попал в волшебную страну, в какой-то сон.

Идя по мосту, они порой видели, как из воды выпрыгивает карп, оставляя на поверхности серебристые круги. С озера дул прохладный горный ветерок, разгоняя дневную жару и

умиротворяя сердце.

Перед такой красотой даже вечно болтливый Фан Цзя притих, погрузившись в созерцание. Втроём они неспешно шли по плавучему мосту, наслаждаясь озерными пейзажами и горными видами.

Гу Хуайцин любовался красотами, но в душе думал вот о чём: основатель Академии Цзиньцзян и впрямь был мастером с тонким вкусом и не жалел средств. Умудрился же создать такое! По сравнению с этим Пруд Долголетия в императорском дворце, хоть и величественный, был лишён одухотворённости. Надо будет как-нибудь посоветовать Сяо Цзину переделать его по этому образцу. Ещё он подумал: а ведь если когда-нибудь удастся уйти из мира суеты, можно будет поселиться в каком-нибудь живописном месте, «под забором собирать хризантемы, на Южную гору вдаль глядеть» — и жизнь будет прекрасна.

Фан Цзя, не в силах усидеть на месте, помчался к острову впереди всех. Гу Хуайцин же задумчиво смотрел на водную гладь. Дуань Минчэнь незаметно приблизился к нему сзади, обнял за талию и, наклонившись к самому уху, тихо спросил: «О чём задумался, а?»

Гу Хуайцин витал в своих грёзах о будущем и слова Дуань Минчэня расслышал неясно, только невнятно промычал в ответ.

Дуань Минчэнь, неудовлетворённый, придвинулся ещё ближе. Его горячее дыхание коснулось округлой мочки уха Гу Хуайцина, и та покрылась лёгким румянцем, став ещё милевиднее. Дуань Минчэня охватило непреодолимое желание взять её в пальцы, помять, поиграть с ней.

С трудом сдержав себя, он перевёл взгляд выше, на безупречный профиль Гу Хуайцина.

Дуань Минчэнь никогда не видел, чтобы у мужчины были такие длинные и густые ресницы — прямо как две маленькие щёточки, да ещё и игриво загнутые кверху. Когда Гу Хуайцин моргал, они трепетали, и это трепетание щекотало где-то в глубине души. Его глаза тоже были невероятно соблазнительны: издали зрачки казались чёрными, но вблизи оказывались тёплого, как старинное стекло, коричневого оттенка, с искорками тёмного золота. Уголки глаз слегка приподняты, от природы соблазнительно изогнуты. Алые, полные губы, влажные и блестящие, словно приглашали прикоснуться к ним.

При таком лунном свете, рядом с таким красавцем Дуань Минчэню почудилось, будто Гу Хуайцин — тот самый лис-оборотень, что тысячу лет медитировал в горах, а теперь явился в мир, чтобы сбивать с пути учёных мужей, заманивать их и высасывать жизненную силу.

Гу Хуайцин, почувствовав на себе необычайно горячий взгляд, наклонил голову. Его ясные, чистые глаза выражали лёгкое недоумение: «Старший брат Дуань, а у вас лицо такое красное... Вам жарко?»

С этими словами он протянул руку, чтобы потрогать лоб Дуань Минчэня — не заболел ли тот.

Дуань Минчэнь резко вырвался из сладостных грёз, с лёгким смущением отступил на шаг, избегая прикосновения.

«Пойдём, на острове вид ещё лучше», — сделал вид, что ничего не произошло, Дуань Минчэнь и взял Гу Хуайцина за руку. «И куда этот малыш запропастился?»

Гу Хуайцин, не сопротивляясь, позволил вести себя.

Ладонь у Дуань Минчэня была крупной, подушечки пальцев — грубыми от долгих тренировок. Исходящее от неё тепло передавалось в ладонь Гу Хуайцина.

Гу Хуайцин чувствовал, что с Дуань Минчэнем творится что-то не то, но ему не было неприятно держать его за руку. Напротив, это вызывало чувство тепла и успокоения.

Уже почти ступив на остров, они услышали голос Фан Цзя и незнакомый старческий голос — те, кажется, спорили.

Гу Хуайцин указал в сторону Павильона Тяньи: «Оттуда».

Дуань Минчэнь сказал: «Пойдём, посмотрим».

Пройдя по мосту, они миновали бы Сад Снежного Аромата, прежде чем выйти к Павильону Тяньи, но из-за перепалки Фан Цзя им стало не до любования садом, и они направились напрямиком к павильону.

Вдалеке они увидели Фан Цзя в белой одежде академии, а перед ним — старика в сером даосском халате.

Старик говорил строго: «В Павильон Тяньи просто так не заходят, таковы правила! Нельзя — значит, нельзя, что бы ты ни говорил!»

Фан Цзя же был упрям от природы и терпеть не мог, когда его ограничивают правилами. Он возразил: «Павильон Тяньи — это же книгохранилище! Разве книги не для того, чтобы их читали? Я ведь ученик академии, почему мне нельзя войти и почитать?»

«Я — учитель Кун, преподаю ритуал и заодно отвечаю за охрану Павильона Тяньи. Раз уж ты новенький, я тебе правила растолкую». Старый учитель Кун заложил руки за спину и посмотрел на павильон. «Здесь хранятся не простые книги, а драгоценные канонические тексты. Несколько поколений директоров нашей академии потратили сто лет, чтобы собрать их по всему свету. Многие из этих томов — единственные в Поднебесной, больше нигде не найдешь. Ценность их неисчислима. Если хочешь почитать — иди в книжную башню Западного двора, там много подходящих для вас, учеников, книг. А в Павильон Тяньи входить нельзя».

Услышав это, Фан Цзя не на шутку расстроился. Будучи страстным любителем книг, он не мог смириться с тем, что перед ним — целая сокровищница, а войти в неё нельзя. «Значит, получается, в Павильон Тяньи вообще никогда нельзя войти?» — не сдавался он.

«Не совсем!» — учитель Кун покачал головой. «По правилам академии, если ученик успешно сдаст государственный экзамен, он получает право войти в Павильон Тяньи и в течение месяца читать любые книги».

«Вот как!» — в глазах Фан Цзя вновь вспыхнула надежда. «Тогда я буду стараться изо всех сил и обязательно когда-нибудь войду туда!»

Во взгляде учителя Куна мелькнуло одобрение. Он слегка кивнул, поглаживая седую бороду: «У тебя хорошие стремления, юноша. Рад это слышать. Надеюсь, ты будешь прилежно учиться и скоро добьёшься успеха на экзаменах, чтобы получить право войти в Павильон Тяньи».

«Обязательно! Этот день непременно настанет!» — с энтузиазмом воскликнул Фан Цзя.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, услышав его полные энергии слова, переглянулись и

улыбнулись.

«Цзяэр, не мешай учителю, иди сюда», — окликнул его Дуань Минчэнь.

Фан Цзя поклонился учителю Куну и весело подбежал обратно: «Двоюродный брат, старший брат Гу, гуляйте не спеша, а я пойду готовиться к занятиям!»

<http://bllate.org/book/16283/1467042>